

Вадим Россик

*Писатель
с мозгами
набекрень*

Вадим Россик

Писатель с мозгами набекрень

«Издательские решения»

Россик В.

Писатель с мозгами набекрень / В. Россик —
«Издательские решения»,

Прекрасная Злата Прага имеет и свою тёмную сторону.
За благопристойным фасадом происходят страшные события, в гуще
которых оказывается малоизвестный писатель из России. Случилось
так, что, кроме него, некому остановить зло. Четвёртый роман серии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Писатель с мозгами набекрень

Вадим Россик

Воображение – это то, что стремится стать реальностью.
Андре Бретон

© Вадим Россик, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Декабрь, вторник, полдень

На улице пасмурно, плюс восемь. Без устали хлещет затяжной дождь. Блестящий асфальт покрыт бурными потоками пузырящейся воды. И никаких тебе морозных узоров на стекле. Никаких снежных горок, санок, лыж, коньков. Никаких красных рож, инея на бороде, обморожений по пьяни. Никаких сугробов в жёлтых пятнах с глубокой тёмной промоиной в середине. Это всё потому, что я не в России, а в Баварии. Стою у окна на втором этаже скромного домика на Песталоцциштрассе в Нашем Городке. Это его так называют местные жители – Наш Городок. Все называют, и я называю.

Я здесь совсем не потому, что продал родину за пряник. Просто три года назад случайно познакомился с Мариной – голубоглазой казахстанской немкой. Марина живёт в Баварии уже тринадцать лет. Давно освоилась. Тем более, что её родственники, друзья, односельчане – все в Германии. В то время я как раз развёлся (кстати, Виолетта тоже приехала сюда, вышла по новой замуж и сейчас обитает неподалёку от Нашего Городка, но в другой земле), поэтому долго не раздумывал – взял да и отправился к Марине. Так Марина стала моей настоящей женой, а Виолетта бледной тенью из прошлого.

Мои мысли прерывает торжественный бой церковных колоколов. Церковь же вот она – прямо напротив нашего дома. Огромная, старинная, сложенная из гладкого тёмно-красного камня. Хочешь, не хочешь – слушай колокольный звон каждые пятнадцать минут. А так-то у нас тихо – окраина. Ну, машина проедет раз в час, собаки лают, петухи прокукарекают, вот и весь шум. Но я отвлёкся.

У Марины – двое детей. Старший сын Саша – взрослый. Он живёт отдельно от нас, работает механиком и передвигается по поверхности планеты на собственном сизо-сером ауди. Младшему – Лукасу – одиннадцать лет. Как и положено, он учится в школе. Таскает на спине рюкзак с себя ростом. В Германии для детей установлена обязанность посещать школу. Если ученик по неизвестной учителю причине не пришёл на занятия, за ним посылают полицию. Такое правило.

В настоящий момент Лукас занят тем, что, лёжа на полу перед телевизором, раскурочивает адвентскалендер. Кто не знает: адвентскалендер – это такая картонная коробка с окошечками по числу дней до Рождества. Всего около четырёх недель. За каждым окошечком прячется фигурка из шоколада. Сначала ребёнок открывает конфеты первой недели, через семь дней второй и так далее до самого Рождества. Даже коробка с конфетами может воспитывать в немецких детях любовь к порядку. Но наш Лукас не парится и сейчас приканчивает последние конфеты, не желая ждать ещё две недели. Из джинсовых шорт пацана сзади, как язык, высовывается рубашка, рот в шоколаде. Лукас – нормальный современный ребёнок. Гоняет по улицам на скейтборде. Не отогнать от компьютера. Вегетарианец до первых мамкиных котлет. В Германии у молодёжи сейчас мода на вегетарианство.

– Мальчики, внимание! Обед готов, – зовёт Марина, стоя в кухонной двери, как в портретной раме.

– А что мы сегодня будем кушать? – интересуется Лукас, вытирая перемазанные шоколадом пальцы о штаны.

– Побалую вас фаршированными перцами.

Что касается меня, то я рад. Люблю Мариныны фаршированные перцы. Жена привезла искусство готовить это вкусное блюдо из родного Казахстана. В Германии Марина подняла это искусство на небывалую высоту и заодно научила меня есть фаршированные перцы правильно. Алгоритм действий таков: сначала накладываешь в тарелку картофельное пюре, потом к нему добавляешь пару перцев, наполненных мясным фаршем, сверху поливаешь

подливкой с морковью и кладёшь ложку сметаны. Всю эту прелесть перемешиваешь в однородную массу – и райское наслаждение тебе обеспечено.

Впрочем, несмотря на моё тихое ликование, Лукас корчит противную мину. Я понимаю его гримасу. Для непосвящённых перевожу: «Есть совсем нечего». Если мы то, что мы едим, то Лукас – это попкорн пополам с картофельными чипсами. Пацан попал в Баварию в десятилетнем возрасте и, в отличие от старшего брата, не знает вкуса натуральной еды. Зато свободно болтает на местном диалекте. По-русски Лукас говорит гораздо хуже, поэтому мы часто не совсем понимаем друг друга. В семье Марины разные поколения говорят на разных языках.

Качаясь, бреду на кухню. Я качаюсь, не потому, что поддатый, а потому, что семнадцать месяцев назад пал жертвой инсульта. Однажды рано утром мир в моих глазах перевернулся и из здорового мужика я превратился в несдающуюся развалину. Брестскую крепость или сталинградский дом Павлова в отдельно взятом теле. Потом была срочная операция, две дыры в черепе, закрытые пластинами, кома, продолжительное лечение в клинике. Мне хватило запаса прочности, чтобы выжить, назло себе остаться в Яви, но теперь земля уходит из-под ног, верх-низ отменены, лево-право нечётки. У меня проблемы с равновесием, речью, временами немеет бедро, мучает извращение вкуса (например, не могу пить чай), постоянно забываю слово «абрикос». Самостоятельно сходить в туалет – целое приключение. Отныне и навсегда я приговорён регулярно измерять давление, пить гадкие таблетки, гулять. Если бы заранее знать, в какого никчёмного инвалида превратит меня инсульт, то придя в сознание после операции, я прошептал бы: «Не надо. Закопайте меня обратно».

Впрочем, если не быть особенно придирчивым, в инсульте есть и своя прелесть. Никакой боли. Просто в глазах темнеет, и вот ты уже занимаешь очередь перед райскими воротами. Конечно, дело вкуса, но лично я всё же предпочитаю умереть в девяносто девять лет, выпив хорошего вина на террасе своей белоснежной виллы у самого синего моря. Надеюсь, этот чудесный день наступит ещё не скоро, а пока я занимаю место за столом в нашей небольшой кухне. Лукас вскарабкивается на табуретку напротив меня. Марина накладывает на тарелки перцы. Включает радио. Радиостанция «Антенне Байерн» – круглосуточная музыка, прогнозы погоды и пробки на автобанах. Под один из повизгивающих хитов покойного Майкла Джексона приступаем к обеду.

– Сегодня у Лукаса терм#н к врачу, – сообщает мне Марина, когда я уже берусь за кофе. – Через час. Поможешь мне, дорогой?

– К какому врачу?

– К ухо-горло-носу.

– А что случилось?

– Я заметила, что Лукас стал хуже слышать. Приходится всё ему повторять дважды.

Я знаю, что Марина заботливая, как волчица. Женщина-мать! Но я не привык принимать на веру чужое мнение.

– Лукас, ты плохо слышишь? – негромко спрашиваю мальчишку, глядя на Марину.

Не обращая внимания на мои слова, Лукас продолжает уписывать перцы за обе щёки. Вкусно ведь. И чего зря кривлялся?

– Лукас, ты плохо слышишь? – немного повышаю я голос.

– А? – поднимает на меня глаза Лукас.

– Вот, видишь! – огорчается Марина. – Лукаса обязательно нужно показать специалисту, пока слух совсем не сошёл на нет. Я утром записалась на приём к доктору Фрухту.

– А я чем могу помочь?

– Я отвезу вас к врачу. Пока вы будете там, я успею сделать ещё несколько срочных дел. Позвонишь мне, когда закончите, и я заберу вас. О'кей?

– О'кей, золотко.

Через полчаса всей семьёй катим к, незнакомому мне, доктору Фрухту. У меня-то со слухом всё в порядке. Марина аккуратно ведёт форд по узким улочкам, заставленным автомобилями. Она знает, что, если ездить неаккуратно, то есть возможность умереть в один день со своей бибикой.

Рассеяно смотрю в окошко на зимний дождь. Наш Городок застроен, в основном, двух- и трёхэтажными домиками, которые комком перепутанной пряжи жмутся к квадратному замку, высящемуся на высоком берегу Майна. Городок окольцовывают невысокие лесистые холмы. Здесь спокойно, уютно, чисто. Люди доброжелательны, собаки на тебя не бросаются, кошки разрешают погладить себе спинку. У незапертых дверей беспечно стоят велосипеды. Милая баварская провинция. Одним словом, жить можно.

Марина высаживает нас с Лукасом возле праксиса доктора Фрухта и мчится дальше по своим срочным делам. Мы поднимаемся в лифте на второй этаж, входим. «Халло! – Халло!» Любезная медсестра, вылитая башня, предлагает подождать несколько минут. В комнате ожидания, пропахшей какой-то гадостью, садимся с Лукасом на стулья рядом с парой бодрых немецких пенсионеров. «Халло! – Халло!» Бабушке лет сто, дедушке немного больше. Ждём, когда нас позовут.

Зовут.

Доктор Фрухт – тёмнокожий энергичный толстяк, похожий на плод киви. Он сразу берёт быка за рога: усаживает Лукаса на крутящийся стульчик и с помощью медицинской техники проверяет мальчишке слух. При этом доктор безостановочно болтает. Я с трудом воспринимаю его быструю, невнятную речь. Да ещё и на местном диалекте. Впрочем, Лукас отлично понимает толстяка. Следуют обычные вопросы: когда заметили, что мальчик плохо слышит? В чём это выразалось? Чем мальчик болел в детстве? И тэ. дэ. и тэ. пэ.

Через несколько минут доктор Фрухт стремительно убегает в соседний кабинет, где, видимо, сидит следующий пациент. Ухо-горло-нос – врач-многостаночник. Медсестра – другая, не башнеподобная – заполняет в компьютере какие-то формуляры. Мы терпеливо ожидаем окончания приёма. Вернее, это я терпеливо ожидаю, а Лукас безостановочно вращается на стульчике. Наконец, формуляры заполнены и в наш кабинет опять врывается доктор Фрухт.

– Должен вас огорчить, герр Росс, – со скорбной миной частит толстяк, – но у вашего сына с ушами всё в порядке. Никаких отклонений от нормы не найдено.

– Это хорошая новость, герр Фрухт, – мямлю я, – а какая плохая?

Открытый мной закон всемирного баланса гласит, что, если есть хорошая новость, где-то рядом обязательно должна быть спрятана плохая.

– Я думаю, что ваш сын прикидывается глухим, когда не хочет что-то делать. Это так, Лукас?

Лукас кивает, хитренько улыбаясь.

– Вот, видите?

Доктор Фрухт многозначительно подмигивает и дружески хлопает меня по колену здоровой, как индюшиная нога, рукой. Я поднимаю себя с места.

– Ну, что же, всё ясно, герр доктор. Спасибо вам. Мы уходим. Чюсс!

– Чюсс!

Выходим из праксиса на улицу под холодный дождь. День посмурнел ещё больше. Запасного солнца нет, а наше прячется за тучами. Смотрю, Лукас довольно улыбается. Сразу понятно, что совесть его не колет. Вот маленький паршивец! Я злюсь?

– Ты ворует наше время, – сердито бурчу я пацану. Лукас перестаёт улыбаться и отворачивается от меня. Ну, вот, хоть что-то.

Достаю мобильник, звоню Марине, сообщаю ей, что мы стоим у праксиса.

– О'кей! Буду через минуту.

– О'кей.

Завершив один подвиг, дома я немедленно приступаю к другому. Хотя поездка к доктору Фрухту меня изрядно вымотала, отдыхать некогда. Меня ждёт работа. Должен признаться, что я писатель. Малоизвестный писатель и, как часто гневается Марина, писатель, стабильно нарывающийся на неприятности. Где-то она права. Один инсульт чего стоит. Но я опять отвлёкся.

Три месяца назад я неожиданно получил от организатора фестиваля российской культуры в Чехии предложение поработать в жюри литературного конкурса. Очень вежливая и культурная женщина Ульяна Сергеевна Подъяблонская написала мне очень вежливое и культурное электронное письмо с просьбой пожюрировать вместе с двумя коллегами в номинации «проза». Анонимный конкурс короткого рассказа. Ведущая номинации Юлия Леонидовна будет предварительно отбирать самые достойные произведения и посылать остальным членам жюри на оценку. Наши оценки она будет суммировать и по количеству набранных баллов определять победителей. Для сохранения объективности рассказы пронумерованы. Имена авторов назовут только на награждении. Церемония награждения победителей состоится в Российском центре науки и культуры в Праге за неделю до Рождества.

Я легкомысленно согласился поучаствовать, не подозревая, под чем подписываюсь. Наказание за моё легкомыслие не заставило себя ждать. Следующие три месяца я очумело читал графоманскую галиматью, щедро приправленную ошибками всех видов. Читал, анализировал, начислял баллы, писал комментарии. Первый тур, второй, финал.

«Тема мимолётных береговых романов и порочных ресторанных знакомств раскрыта со знанием дела. Сюжет грамотно выстроен. Герои едва обозначены, а жаль. Между прочим, тема-то разгуляться позволяет. Стилль правильно подобран. Есть небольшие шероховатости, но на них можно закрыть глаза. Эмоциональное впечатление: прикосновение к правде жизни. Грамотность уже не на уровне „ты меню – я тебя“, но великолепием не поражает. Вывод: вполне достойное произведение на околomorphicкую тематику. Раскрытие заявленной темы, сюжет – девять баллов. Портреты героев – семь баллов. Качество стилия – восемь баллов. Эмоциональное впечатление – восемь баллов. Грамотность, оформление – троечка. Всего – тридцать пять баллов».

Следующий шедевр: «Признаюсь честно: ниасилил! Рассказ так же чрезмерно велик, как Гренландия и так же однообразен. У человека короткий век, поэтому торможу себя на середине опуса, повторяя чужие слова: „Жизнь нужно прожить так, чтобы потом не было мучительно больно. Почитай что-нибудь другое“. Количество всевозможных ошибок намного превышает разумные пределы. Вывод: это не то произведение, которое следует при пожаре выносить первым. Один балл – исключительно за отвагу».

Следующий: «Этот рассказ – очередное жёсткое испытание для немолодого члена жюри. Крэш-тест. Ошибки перечислять не стану – им несть числа. Безмерность ошибок избавляет меня от необходимости давать оценку, поэтому с радостью перехожу к выводу. Вывод: это классический образец победителя конкурса графоманов. Достойный одного единственного балла – исключительно за трудолюбие».

Впрочем, признаю, не всё было так уж безнадежно. Пример: «Тема очень интимных женских признаний раскрыта. Сюжет без выкрутасов: завязка, развитие, кульминации не видно, назидательная развязка. Герои не обозначены. Встретишь – не узнаешь. Стилль соответствует теме. Автору удалось передать особенности женской лексики. Эмоциональное впечатление: просто ещё одна жизненная история. Америки не открывает. Зато почти есть грамотность. Вывод: длинный, довольно скучный рассказ о непростой женской доле. Особенно драконить не за что, но и захлебнуться от восторга тоже нечем. Раскрытие заявленной темы, сюжет... Портреты героев... Качество стилия... Эмоциональное впечатление... Грамотность, оформление... Всего...»

А вот совсем неплохая вещь: «Тема семейной истории в фотографиях раскрыта. Сюжет понятен и прост: завязка, развитие, едва намеченная кульминация и развязка: „если бы молодость знала, если бы старость могла“. Портреты героев со старых фото достаточно подробно описаны: усы, бороды, умный взгляд... Каждый видел такие фотографии. Стиль соответствует жанру: публицистика и мемуары. Эмоциональное впечатление: интерес, согласие с автором, сочувствие. К грамотности замечаний практически нет. К счастью, это не тот случай, когда вместо прочтения лучше с гимном лечь в гроб. Вывод: хорошая работа. Раскрытие заявленной темы, сюжет... Портреты героев... Качество стиля... Эмоциональное впечатление... Грамотность, оформление... Всего...»

Ну и так далее.

Нетленные шедевры пёрли косяками. Пятьдесят шесть рассказов в первом туре, двадцать восемь во втором, пятнадцать в финале. Но сегодня утром я, наконец, закончил свой каторжный труд.

Сажаю себя к компьютеру, включаю его, отправляю Юлии Леонидовне последнее гениальное творение со своим компетентным отзывом: «Выбранная автором тяжёлая тема болезненного умирания раскрыта. Сюжет точно выстроен: завязка, развитие, кульминация, развязка. Хорошо прописаны персонажи. Автор для каждого нашел краткое, но выразительное описание. Отлично подобран стиль повествования. Герои говорят разным, соответствующим ситуации языком. Читать легко. Можно указать на не очень чёткое начало рассказа, но не буду. Эмоциональное впечатление: светлая грусть. Грамотность тоже не загоняет в чёрный минор. Вывод: достойное произведение. После корректуры и редактуры – отличное. Полезно прочитать всем. Спасибо».

Отправил. Мгновение спустя компьютер-умница оповещает: «Ваше сообщение успешно доставлено». Уф! Это было пятнадцатое и заключительное произведение из финальных.

За окном звенят колокола. Чтобы отвлечься от их навязчивого бреньканья, прислушиваюсь к Марине, разговаривающей на кухне с Лукасом.

– Лукас, зачем ты сейчас набезобразничал в туалете?

Лукас знает, что маму обманывать бесполезно, поэтому покорно спрашивает по-русски:

– А чой-та я сделал? Не закрыл дверь, когда уходил?

– Нет.

– А чой-та тогда? Не потушил свет?

– Нет.

– Не повесил полотенце на место?

– Нет.

– Бросил туалетную бумагу на пол?

– Нет.

– Не опустил крышку унитаза?

– Нет.

– Не смыл за собой?

– Нет.

Лукас первым теряет терпение:

– Так чой-та же я там натворил, мама?!

– Всё это вместе!

От драматического разговора меня отвлекает сигнал компьютера. Перевожу взгляд на экран. Видеозвонок с родины. Это звонит мой младший брат Агафон. После смерти мамы, он живёт вместе с нашим стареньким папкой. Агафон – самый безалаберный человек из всех, кого я знаю, что совершенно не мешает ему работать преподавателем в универси-

тете, писать кандидатскую диссертацию с рецептом вывода мировой экономики из кризиса и быть последней надеждой человечества. Впрочем, пока Агафон писал диссертацию, экономика вроде немного оклемалась.

Отвечаю на видеозвонок. Агафон, как всегда, великолепен: небритый, непричёсанный, в растянутой линялой майке. Зато с незатухающей улыбкой на устах. Приветствую его нашим традиционным:

– Привет, братан!

– Привет!

– Как жизнь? Как паппа мио?

Незатухающая улыбка тут же тухнет, Агафон с горечью произносит:

– Да какая это жизнь? Сплошная нервотрёпка. Папа повадился хранить сало в банках из-под сгущенки. Сначала замораживает банки в морозильнике, а потом кладёт на батарею и размораживает. Так вкуснее!

– Ты уже пробовал? – задаю я опрометчивый вопрос.

– Боже меня упаси! – выкатывает глаза Агафон. – А вчера папа где-то оставил свой портфель. Дома очень горевал и убивался. Мол, такие важные вещи были в этом чёртовом портфеле! Потом не выдержал и убежал его искать. Пока он бегал, сосед принёс портфель. Нашёл возле помойки. Я открыл, а там один мусор. Представляешь?

– А что папа?

– А что папа? Папа был счастлив, как слон, опять обрета свой портфель.

С минуту оба почтительно молчим.

– В общем, как говорит сам папа, от старости до глупости один шаг, – нарушает паузу Агафон. – Причём, этот шаг необратим. Теперь он только и может, что с важным видом шептунов пускать. А что интересного в вашем золотом миллиарде?

Кратко рассказываю брату о литературном конкурсе.

– А тебя пригласят в Прагу? – интересуется Агафон.

– Не знаю. Наверное.

– А ты поедешь?

Я вздыхаю:

– Вряд ли. Марина работает, а одного меня она не пустит.

– Жаль. Говорят, Прага – очень красивый город. Злата Прага.

– Подумаешь, какая-то несчастная Злата Прага, – кривлю я душой. – Зато я был в Париже и видел Мону Лизу! Вот, как тебя сейчас.

Агафон смеётся...

Пообщались, разъединились. «Пока! – Пока!»

Агафон – это ниточка, связывающая меня с прошлым. Есть ещё сын Роберт, но это скорее моё будущее. С Робертом я тоже иногда обмениваюсь видеозвонками. Часто не получается. То он занят, то я не могу. Не мы такие – жизнь такая. Постучиваю пальцами по столу. На моём тайном языке это означает: «Хоть себе-то не ври, папаша». Ну, о'кей. Признаю, что я никчёмный родитель.

Чувствую общее окостенение организма. Значит, пора сделать кофепазу. Выволакиваю себя из-за компа, веду на кухню. Кофе – это удовольствие, которое у меня ещё осталось. Удовольствие и подспорье. Заодно съем что-нибудь съедобное.

На кухне сидит Марина и под Джей Ло из радио самозабвенно хрустит сушками. В доказательство того, что Россия и Казахстан являются разными странами, Марина называет сушки калачиками и ест их с маслом. Кстати, в Нашем Городке работают два магазина, торгующих привычными для русаков продуктами: водкой, солёными огурцами, пельменями, колбасой, сгущёнкой, конфетами, сушками... Мы называем эти магазины «большой

русский» и «маленький русский». Раньше был ещё один «русский» магазин, но он не выдержал конкуренции и недавно закрылся.

Я с иронией замечаю:

– Вот видишь, напрасно ты боишься оставлять меня один на один с холодильником.

Сама не лучше. Вечно точишь что-нибудь втихомолку.

Марина невнятно ворчит через сушку во рту:

– И совсем не напрасно! Только я отвернусь, ты уже тут как тут – шарись в кухне.

– Это всего лишь твой иррациональный страх, не основанный на фактах, – слегка обижаюсь я, заваривая кофе. – Кофе будешь?

– Спасибо, но нет времени.

Разжевав и проглотив сушку, Марина кричит в кухонную дверь:

– Лукас, собирайся! У тебя через пятнадцать минут тренировка!

(Наш Лукас играет в футбол в местном спортклубе)

– А ты меня отвезёшь? – интересуется ребёнок из своей комнаты.

– Отвезу, если быстро приготовишься.

Лукас начинает с топотом носиться по квартире, хватая одни вещи и швыряя на пол другие. Через полторы минуты большая спортивная сумка собрана, сам юный футболист, одетый и обутый, стоит в прихожей.

– Мама, ну, ты скоро?

– Какая тренировка, Марина? – удивляюсь я. – На улице дождь.

– Зимой мы тренируемся в зале, – хихикает Лукас, закрывая за собой дверь.

Проводив родных, возвращаю себя с чашкой кофе к компьютеру. Ого! Пришло новое сообщение от Юлии Леонидовны. Что там? Открываю.

«Уважаемый Вадим! Прошу Вас провести оценку нового произведения. Я получила его только за пять минут до полудня. Как вы знаете, по условиям конкурса финалисты имели право подавать свои работы до двенадцати часов, поэтому этот рассказ зарегистрирован мною, как номер шестнадцатый, последний. К сожалению, у меня не было времени прочитывать его самой. Вы не представляете, какая у нас здесь суматоха. Голова просто идёт кругом. Фестиваль начинается завтра, а многое ещё не готово. Целиком полагаюсь на Вас. В приложении найдёте программу фестиваля и приглашение от Ульяны Подъяблонской. Я очень надеюсь, что Вы сможете приехать, и мы познакомимся лично. С уважением, Юлия».

Познакомимся лично? Я лихо подкручиваю воображаемые усы. А вот любопытно, хороша ли собой эта Юлия Леонидовна? Может, она уродливая старая карга с обвисшей грудью, искривлёнными подагрой пальцами и кожей, словно сыр с плесенью? Ну, уж нет! Лучше поберегу себя для Марины.

Я, конечно, зря веселюсь. Просто в тот момент ещё не знаю, что зло уже здесь.

Глава 2

Потягивая кофе, штудирую программу фестиваля. Выглядит довольно привлекательно. Даже обидно, что я туда не попаду.

Программа мероприятий Третьего международного фестиваля российской культуры в Праге (Чешская Республика)

13 декабря (среда)

09.00 – 17.00 Приём и размещение участников фестиваля, свободное время.

20.00 – 21.00 Ужин в ресторане «У фландрского короля», дегустация чешского пива и огневое шоу.

14 декабря (четверг)

09.00 – 10.00 Завтрак.

10.00 – 13.00 Торжественное открытие фестиваля, представление участников, выступления, выставка книг участников фестиваля.

13.00 – 14.00 Обед в кафе

14.00 – 18.00 Рабочие мероприятия: презентации, мастер-классы, встречи с гостями.

18.00 – 20.00 Пешеходная экскурсия «Знакомство с Прагой». (Карлов мост)

20.00 – 21.00 Ужин.

15 декабря (пятница)

09.00 – 10.00 Завтрак.

10.00 – 13.00 Рабочие мероприятия: презентации, мастер-классы, встречи с гостями.

13.00 – 14.00 Обед

14.00 – 20.00 Посещение музея орудий средневековых пыток, свободное время

20.00 – 21.00 Ужин.

16 декабря (суббота)

09.00 – 10.00 Завтрак.

10.00 – 13.00 Рабочие мероприятия: презентации, мастер-классы, встречи с гостями.

13.00 – 14.00 Обед

14.00 – 16.00 Свободное время.

16.00 – 20.00 Экскурсия по пражским подземельям, свободное время.

20.00 – 21.00 Ужин.

17 декабря (воскресенье)

09.00 – 10.00 Завтрак.

10.00 – 12.00 Прогулка на пароходике по Влтаве.

12.00 – 15.00 Свободное время.

15.00 – 17.00 Выступления ведущих номинаций. Награждение победителей конкурса, фотографирование.

17.00 – 18.00 Праздничный ужин.

18.00 – 20.00 Свободное время.

20.00 – 23.00 Бал-маскарад, фуршет.

18 декабря (понедельник)

Отъезд участников фестиваля.

Дорогие друзья! Всех желающих принять участие в бал-маскараде просим прийти на мероприятие в карнавальных костюмах, соответствующих славянской мифологии и фольклору. Добры молодцы, русалки, лешие и даже бабки-ёжки приветствуются. Давайте попробуем соединить воедино старину и современность и побывать в сказочном мире тайн и загадок! Давайте оживим сказку!

К сведению участников фестиваля – все мероприятия проходят в Российском центре науки и культуры. Адрес: улица На заторце, 16.

Печально вздыхаю. Что ж. С дегустацией чешского пива я точно пролетаю. Хотя пиво люблю. Огневое шоу тоже посмотрел бы с удовольствием. Да и на маскараде я сто лет не был. Последний раз это была новогодняя ёлка на папиной работе. Я тогда учился в первом классе. Очень жаль, но не жили хорошо, нечего и начинать. Впрочем, это моё субъективное мнение. Отругав себя за мечтательность, открываю приглашение.

«Здравствуйте, Вадим! На время фестиваля, я предлагаю Вам пожить в гостевом доме – Прага-Кийе, улица Врановска, дом номер... В нём есть ещё одно свободное место в комнате на двух человек. Это совсем рядом со станцией метро „Райска заграда“ – десять минут пешком. Приезжайте. Буду очень рада. Ульяна».

Ладно, проехали, пора заняться оценкой. Итак, рассказ номер шестнадцать. Название интригует – «Умри от удовольствия». Исповедь обжоры? Сейчас узнаю. Открываю, читаю.

«...я приведу тебя к себе. У меня есть уединённое гнёздышко, под Зелёным мужем. Зелёный муж кричит о нём глупым людишкам уже шесть веков, но глупые людишки не слышат. А мне удалось услышать и понять. Открою тебе один секрет: сегодня вечером Зелёный муж будет выкрикивать твоё имя. Сначала я раздену тебя догола, свяжу руки и ноги. Потом прикую лицом к столбу. Ты будешь рыдать и умолять о пощаде. Будешь предлагать мне себя в обмен на жизнь, но я заткну тебе рот твоими же трусиками. Если будет недостаточно – туда же отправятся колготки. Потом я сожгу твою одежду и обувь. Знай, зайка, для тебя приготовлен отличный подарок – тяжёлая плётка из ослиной кожи с рыболовными крючками по всей длине. Я буду пороть тебя это плёткой по голой заднице до тех пор, пока ты не умрёшь от удовольствия...»

Фу, какая мерзость! Дальше – ещё хуже.

«...я разрежу тебе рот от уха до уха, отрежу уши и нос, выколю глаза. Тебе не будет больно, зайка, – ты всё равно уже будешь мёртвой. Затем я начну с самого вкусного: нежно прижмусь губами к твоей иссечённой заднице и буду пить тёплую кровь. Тебе интересно, что будет потом? Сейчас скажу. Я разрежу твоё тело бензопилой на две части чуть выше пупка. Отрежу ноги, руки, голову. Нижнюю часть тела с твоей аппетитной задницей я спрячу

в сумку, а остальное сложу в мусорные мешки, добавлю в них камней и ночью выкину в реку. Дома я приготовлю себе великолепный ужин, о котором давно мечтаю – рагу из твоей задницы. Я разделаю её, тщательно вымою и помещу в духовку. Через пятнадцать минут, я долью воды и добавлю морковь, лук, сельдерей, перец, соль. Твоё мясо скоро станет сочным...»

Насчёт обжоры я здорово угадал. Впрочем, эту мерзость писал явно нездоровый человек. Это же надо такое придумать: обжора-каннибал! Рассказ краток, но очень натуралистичен. Кровавые фантазии психопата. Зачем Юлия Леонидовна вообще приняла этот маниакальный опус на конкурс? Да ещё в финал? Почему всё должно быть так ужасно? Ах, да! Она же его не читала. Суматоха, голова кругом.

Меня мутит. Я машинально постукиваю кончиками пальцев по столу. На моём тайном языке это означает: «Не блевать!» Это после инсульта я стал такой чувствительный.

Чтобы справиться с тошнотой, одним глотком допиваю остывший кофе и отправляю обратно в Прагу омерзительное произведение вместе со своим корректным сообщением. Так, мол, и так, уважаемая Юлия Леонидовна. Я считаю, что рассказ номер шестнадцать принадлежит перу сумасшедшего, поэтому не подходит для уважаемого литературного конкурса. Пусть этот ненормальный выигрывает призы в психиатрической лечебнице закрытого типа. Если не верите, прочитайте сами.

Возвращение Марины отвлекает меня от литературно-кулинарно-каннибальской тематики.

– А где Лукас? – задаю я вопрос жене.

– Он остался в спортклубе. Я за тобой. Быстро собирайся, дорогой.

– А что случилось?

– Родителей приглашают на ужин в клуб. Будем все вместе отмечать окончание игрового сезона.

– О'кей.

Выключаю компьютер. Одеваю себя: костюм, рубашка, галстук в тон. Едем.

День остыл. Всего лишь полвосьмого, а на улице уже темно. Конкретный ливень на время прикинулся кроткой капелью – зима всё-таки. Спортивный клуб, в котором наш Лукас гоняет мяч, находится в пяти минутах езды от Песталоцциштрассе. Подъезжаем к футбольному полю, ярко освещенному прожекторами. На краю поля высится трёхэтажное здание клуба. В нём располагаются спортивные залы, раздевалки, душевые комнаты и столовая. Сразу за клубом начинается глухой лесной массив со сказочным названием Ведьмин лес. Сейчас на мокром поле никого нет, зато вся автостоянка заставлена разномастными машинами. Видимо народ уже в столовой.

Марина с трудом находит свободное местечко и паркует форд. Взявшись за руки, поднимаемся по широким ступеням и входим внутрь здания. Звон посуды и гул голосов указывают нам верное направление. Столовая и вправду полна. За накрытыми столами несколько десятков взрослых шумно отмечают спортивные успехи своих отсутствующих детей. Едва мы появляемся в дверях, как нас встречают весёлые «халло! сервус! грюсс готт!». По моему мнению, немцы – это самый дружелюбный народ в мире. Здесь принято при любом, даже мимолётном общении, улыбаться друг другу. Незнакомые люди охотно приходят тебе на помощь. Водители часто уступают дорогу, если видят, что ты оказался в затруднительной ситуации.

Повторяя «халло!», раскланиваясь и пожимая протянутые руки, мы с Мариной на всех парах устремляемся к двум свободным стульям в конце стола. Там я и закрепляю себя. Вот теперь можно быть спокойным – я подвижен, как гвоздь в стене. Зато уж точно не свалюсь под стол, даже, если глубоко задумаюсь.

Напротив нас сидит экзотическая пара: тощая молодая немка – наголо бритая голова, белая блузка из набивного шёлка, ниже какое-то шафраново-зелёное восточное одеяние – штаны и юбка одновременно. На коленях лежит большая сумка. Рядом с экзотической особой её спутник – обычный бородастик-волосатик в чёрной футболке и узких джинсах. К стулу бородастика-волосатика привязана поджарая собака.

– Халло! Я – Уши Буль, – представляется лысая особа. – На стуле – мой муж Нео. Под стулом – наш любимец Трезор.

Услышав своё имя, Трезор поднимает одно ухо и нехотя виляет длинным голым хвостом. Я, в свою очередь, называю себя и Марину. Впрочем, Були знают Марину. Они уже не раз пересекались на играх. Младший Буль играет в одной команде с Лукасом. Кстати, моя супруга занята разговором со своей соседкой – маленькой румяной блондинкой. Невеличка по-русски увлечённо рассказывает Марине про скучную командировку в Эрфурт, светящиеся в темноте треугольники для первоклассников (их бесплатно выдают в школах), двухнедельные гастроли в Нашем Городке рыбного базара из Гамбурга и что хорошо, что прошлой весной Майн сильно не разлился. Около миллиона слов в минуту. Долговязый немецкий муж русачки сконцентрировался на тарелке с сёмгой в кляре и не реагирует на тирады своей крошки. И правильно делает. Всё равно он не знает русского языка.

– Оля, познакомься, это мой муж Вадим, – с трудом прерывает Марина болтушку.

– Очень приятно, Вадим! Оля. А это Фил.

Киваю обоим, мило улыбаясь.

– А где наш мальчик-с-пальчиком? – задаю я вопрос Марине. – И остальные футболисты?

– Мальчишки уже поели. Сейчас они с папами помоложе пинают мячик в спортзале, – отвечает Оля вместо Марины.

– Слушай, дорогой, мы так и будем сидеть или всё же что-нибудь поедем? – понижает голос Марина.

– А что в меню?

Марина показывает на стол:

– Горячие мясные и рыбные блюда из ресторана. Торты из кондитерской. Печенье наши женщины сами испекли.

– А кто платит за банкет?

– Еда и безалкогольные напитки оплачены из клубных взносов, да ещё наша команда летом заняла первое место на турнире в какой-то деревне. За победу клуб получил пятьсот евро. Вот на это мы сегодня и гуляем. За пиво нужно платить самим. Просто записывай в ту тетрадь, сколько бутылок берёшь, а перед уходом считаешься с Вилли. (Вилли – тренер и руководитель футбольной команды, в которой играет Лукас.)

– О'кей. Будем угощаться.

С помощью Марины набираю себе кушаний и приступаю к ужину. Возмутительно вкусная мясная запеканка просто тает во рту. Праздник желудка продолжает сливочный торт с ягодами, а завершает мороженое с орехами и шоколадной крошкой. Грандиозно! Так даже короли не едали!

– Может, усугубим вечер пивком? – предлагаю я Марине. А что? Если мне не суждено побывать на дегустации чешского пива, заменим его баварским. Супруга, молча, подаёт мне бутылку келлербира – «пива из погребя», как его называют в Германии. Это нефilterованное пиво почти без пены. Я уже пробовал такое. Откупориваю бутылку, подношу ко рту, глотаю, но бородасто-волосатый Нео испуганно останавливает меня:

– О, нет, Вадим! Келлербир нужно пить не так.

– А как?

Нео забирает у меня бутылку и на две трети наполняет высокий стеклянный стакан янтарной жидкостью с красноватым оттенком.

– Лучше бы использовать глиняную кружку, но их здесь нет, – с сожалением произносит мой визави. Он круговыми движениями взбалтывает остаток пива в бутылке и доливает стакан до верха.

– Теперь медленно пейте.

Послушно делаю несколько глоточков. Действительно, вкус стал более ярким.

– Правильно пить келлербир меня научил отец, а его – его отец, – говорит Нео, одобritельно следя за мной.

В столовую с грохотом и воплями врываются юные футболисты, слегка одичавшие от избытка энергии. За пацанвой следует пузатый Вилли и несколько раскрасневшихся, вспотевших отцов. Мальчишки шустро занимают места возле своих родителей. Лукас с детской силой протыривается между мной и Мариной. Вилли выходит на середину столовой и поднимает руку, прося у собравшихся внимания. Разговоры смолкают.

– Дорогие друзья, – начинает свою речь Вилли, – благодарю вас всех за то, что вы сегодня пришли в наш клуб, чтобы...

Пока Вилли выступает, я незаметно оприходуя вторую бутылку келлербира. Большая часть сказанного пролетает мимо моих ушей. Толстопузый тренер – уроженец Нашего Городка и ораторствует на местном диалекте, который очень отличается от литературного немецкого языка. Впрочем, остальные его прекрасно понимают и несколько раз прерывают речь аплодисментами.

– Вот и всё, что я хотел вам сказать, дорогие друзья, – заканчивает Вилли своё выступление. – А сейчас переходим к награждению.

Под радостные возгласы Вилли вызывает по очереди ребят, каждому жмёт руку, произносит несколько добрых слов и вручает комплект формы – футболку с заранее нанесённым номером и фамилией владельца, спортивные трусы, длинные штаны, тёплую куртку. Счастливые мамы фотографируют своих чад сотовыми телефонами. Марина тоже достаёт мобильник и делает пару снимков Лукаса, принимающего поздравления от Вилли.

Я маюсь. Мне не даёт покоя липкая мысль, что всё немыслимое в рассказе номер шестнадцать может оказаться жуткой правдой. А вдруг действительно какой-то спятивший писатель в этот вечер совершает то, что он так убедительно описал? Или это мой здравый смысл взял выходной? Может быть, это просто неудачная шутка идиота с больной фантазией? Барабаню пальцами по столу. На моём тайном языке это означает: «Определяйся скорее, чудик. Едешь-не едешь?»

– Ты что, родной? – замечает мою нервность Марина. – Устал? Потерпи немного. Скоро поедем домой.

Я уже почти решил не отвечать, но не выдерживаю и притворяюсь прежним, доинсультным Вадимом:

– Знаешь, два часа назад я получил приглашение на фестиваль в Прагу.

– Ну и?

– И не прочь туда завтра поехать. Сбегу от тебя всего на пять дней. В понедельник вернусь.

– Хотя для меня это привычное дело – таскать тебя на горбу, но эта твоя Прага у чёрта на куличках: целых шесть часов езды, – говорит Марина голосом ровным, как автобан. Плохой знак.

– У чёрта на куличках по немецкому счёту, – не сдаюсь я.

Марина хмурится:

– Зачем ты затеваешь глупый спор? Ты же знаешь, что завтра я работаю и не смогу отвезти тебя.

– Знаю, но я мог бы поехать поездом.

– Ты ведь с трудом ноги переставляешь!

Марина надеется, что вопрос решён, но я негибаем:

– Неправда! Я уже вполне уверенно шатаюсь по земной поверхности.

– Слушай, Вадим. Дай мне очухаться. Я всё ещё от поездки к Пиренеям не отошла. Полторы тысячи километров в одну сторону!

– Так это когда было, Мариночка! Весной! Мы после Пиренеев уже к Аунсам ездили на юбилей. Это тоже не близко – крайний север. (Крайний север Германии от нас в шестистах километрах.)

Разумеется, звучит и сакраментальный вопрос о таблетках:

– А как же быть с твоими ежедневными таблетками?

– Возьму с собой, – обещаю я с молодой беспечностью.

– Почему тебе вдруг понадобилось в Прагу? Что за блажь?

– Полюбуюсь фонтаном «Писающие мужчины». Зайду в музей орудий средневековых пыток, развлежусь. Выпью кружечку чешского пива в средневековом ресторане. Может быть, я об этом с детства мечтал?

– О пытках и чешском пиве? А что касается «Писающих мужчин», то я могу повесить в туалете зеркало и любоваться, сколько хочешь. Нет, родной. Пойми, я не могу отпустить тебя одного. Ещё потеряешься и будешь плакать под чужими окнами.

Хоть я и негибаем, но замолкаю в поиске новых решений. То-то и оно – женщина-мать. Твою перемать! Я не прав?

Пока мы спорим, застолье переходит в финальную стадию. Многие участники уже покинули столовую, а оставшиеся принимают наводить порядок. Марина тоже поднимается с места и собирает со столов посуду, Лукас ей помогает. Я сижу, жду. Потом мы прощаемся (Чюсс! – Чау!) и уезжаем в холодную, мокрую ночь.

Дома я первым делом включаю компьютер. Электронная почта пуста. Ответа на моё корректное сообщение пока нет. Возможно, Юлия Леонидовна пришлёт его завтра. Решаю ещё раз просмотреть конкурсные рассказы. Что этот псих подавал на конкурс в первых турах? Я ничего похожего на «Умри от удовольствия» не помню. Несколько раз проверяю файлы. Как я и сказал, ничего похожего.

Несмотря на то, что уже поздно – даже церковные колокола спят – отправляю Подъяблонской письмо с просьбой сообщить мне имя автора финального рассказа номер шестнадцать. Ни на что не рассчитываю, но к моему удивлению через несколько минут от организатора фестиваля приходит ответное письмо. Ульяна Сергеевна ещё не спит.

«Вадим! Я, к сожалению, не могу выполнить Вашу просьбу. Не понимаю, зачем Вам это понадобилось. Вы же знаете, что по правилам нашего литературного конкурса все участники сохраняют анонимность до церемонии награждения. Кроме того, авторы присылают свои произведения на электронный адрес ведущей номинации (в Вашем случае – это номинация „проза“), поэтому у меня нет их имён. Я не смогла дозвониться до Юлии, она куда-то пропала, но уверена, что Юлия тоже не стала бы нарушать правила. Отнеситесь к этому с пониманием. Надеюсь увидеть Вас на фестивале. Приедете в Прагу – позвоните. Я вас встречу. Мой телефон... С уважением, Ульяна».

Мне совершенно не нравится ответ Подъяблонской. В задумчивости смотрю на монитор. Как там было-то? Точно не помню, но что-то вроде «Сегодня Зелёный муж называет твоё имя». Интересно, что это за Зелёный муж такой? Чей муж и какое имя он называет? Случаем не Юлия Леонидовна? Подвожу итоги дня: ведущая номинации пропала, поганый извращенец таки отведал человечинки. Вывод: значит, мне обязательно нужно ехать в Прагу. Логично?

– Ты идёшь спать, дорогой? – врывается в мои смутные рассуждения Марина. – Лукас уже лёг. Нам тоже пора на боковую.

– Иду.

Прижавшись в постели к тёплому боку любимой супруги, продолжаю рассуждать: а из чего, собственно, следует вывод, что я обязательно должен ехать в Прагу?

– О чём ты сейчас думаешь? – шепчет Марина.

– О скучном, золотко. О двух тёплых одеялах ночью, кофе и яичнице с беконом утром. И ещё хочу, чтобы Париж был за окнами. Маринка, сделай мне Париж за окнами.

Марина хихикает:

– Я не могу.

– Если не можешь Париж, тогда отпусти меня в Прагу.

Марина сердито произносит:

– Что ты, как маленький, заладил: «в Прагу, в Прагу!» Я же сказала, что одного тебя не отпущу!

– Ну, Мари-и-иночка.

Умение чётко формулировать нельзя назвать моей сильной стороной, поэтому, наверное, Марина резко выпаливает:

– Вот ведь балда! Я тебе в последний раз русским по белому говорю: «Нет!»

Любимая супруга поворачивается ко мне широкой зад., то есть спиной. Ну и ладно.

Глава 3

Среда. Восемь ноль-ноль. Прохладно, ветрено и опять идёт дождь. Несмотря на то, что сейчас ещё только раннее утро, уже довольно светло. В октябре вся Германия перевела стрелки часов на шестьдесят минут назад, и теперь солнце вынуждено вставать для немцев на один час раньше.

Мы сидим на неудобных пластмассовых стульях в зале ожидания железнодорожного вокзала – ждём скорый до Нюрнберга. Мы – это я и Марина. Возле нас стоит чемодан на колёсиках с моими вещами. В кармане у меня лежит билет до Праги и обратно. Марина так крепко сжимает мою руку, как будто боится, что я растаю в воздухе.

– Таблетки взял? – заботливо спрашивает супруга в сотый раз.

– Взял.

– Не забывай их принимать. Я положила в чемодан жареную утку. Смотри, не заляпай одежду.

– Ладно.

– Как доберешься до места – позвони мне.

– О'кей.

Марина судорожно вздыхает. Глаза на мокром месте. Я целую её в щеку.

– Ну, что ты так волнуешься, золотко? Всё будет чики-пуки. Я обещаю.

– Ага, ты всегда так говоришь, – плаксиво канючит Марина, – а сам вечно влипаешь во всякие истории. Я тебе уже не верю.

– Если ты мне не веришь, тогда почему отпускаешь в Прагу?

Марина неохотно признаётся:

– Мужикам иногда нужно давать погулять, а то они перестают слушаться.

Улыбаясь, снова целую любимую супругу в щёку.

– Какая ты всё-таки умничка, Маринка!

– Но ты напрасно думаешь, что я отпускаю тебя одного, – вдруг добавляет Марина. – Я нашла для тебя ангела-хранителя.

– Какого ещё ангела-хранителя?

Неожиданно в зале ожидания появляется наш Саша. В руке он с заметной натугой тащит большую серую сумку.

– Халло, мама! Халло, Вадим!

– Халлю!

Саша ставит свою поклажу на пол и с облегчением плюхается на стул.

– Уф, еле дотащил! Тяжёлый, зараза.

– Какими судьбами? – спрашиваю я молодого человека, косясь на сумку.

– Мама велела взять малыша у коллеги по работе. На недельку. Петруха тоже русак, поэтому малыш понимает по-русски. Вот я его и принёс.

– Зачем тебе Петрухин малыш? – недоумеваю я.

Саша смеётся:

– Да не мне! Это для тебя, Вадим.

Я поворачиваюсь к Марине.

– Ты можешь толком объяснить, что всё это значит?

Марина наклоняется к сумке и осторожно расстёгивает молнию. Из недр выныривает собачья голова и вопросительно поднимает правую бровь. Пёс не похож на карликовый пучок шерсти, но и не относится к той породе огромных собак, которые, если лизнут тебя, то ты до вечера будешь мокрый с головы до ног. Это вполне себе упитанный английский бульдог овсяного цвета с тёмной грудью.

– Знакомься, – говорит Марина. – Это твой ангел-хранитель до понедельника. Его зовут Малыш. Он настоящий чудо-пёс: знает команды, подаёт лапу, приучен к туалету, мало ест и прошёл курс поводырей слепых.

– Ты, что, Марина?! Зачем мне поводырь? Я же не слепой! – возмущаюсь я на весь зал ожидания. – Что я буду делать с этой псиной на фестивале культуры?!

– Зато мне будет спокойнее знать, что ты не один в этой твоей Праге.

– А мне?!

– И тебе, дорогой! – решительно заявляет Марина. – Не хочешь ехать с Малышом – оставайся дома!

Этого ещё не хватало! Серdito разглядываю своего ангела-хранителя. В нашем форде есть освежитель воздуха фирмы «Ппуко» в виде лежащей на брюхе собаки. Конечно, не очень удачное название для освежителя. Этот Малыш – копия «Ппуко».

– Мама, купи щенка! – орёт какой-то мальчуган, тыча пальцем в Малыша. Это мимо нас тянет на буксире своего оручего отпрыска полная дама в шубе из искусственного меха. Дама такая объёмная, словно забыла родить ещё одного мальчугана.

– Короче, забирай Малыша и счастливого пути, – заканчивает дебаты Марина.

Что ж, Явь не предоставляет мне выбора. Смотрю на пса.

– Ну, что, Малыш? Источаешь преданность? Ты послушная собака?

Малыш утвердительно поднимает левую бровь и не делает попыток покинуть сумку. Такая терпеливость мне в нём нравится.

– Давай договоримся на берегу. Если будешь вести себя прилично, я буду звать тебя Малышом. Если нет – Ппуко. Хоть и не люблю обзывать. Выбор за тобой.

Малыш делает вид, что всё понял. Ладно, поживём – увидим.

– Поводок, намордник и собачьи консервы – в карманах сумки, – сообщает Саша.

– И постарайся, чтобы Малыш через неделю не выглядел так, будто питался на помойке, – добавляет Марина.

Электронное табло информирует нас, что скорый поезд до Нюрнберга через пять минут прибывает на четвёртый путь. Значит, пора выдвигаться на платформу.

Возле вагона последний раз целую Марину. Она ворчит, обнимая меня:

– Всё равно не понимаю, зачем ты едешь на этот фестиваль. Там же соберутся интеллигентные люди. Хоть води себя прилично и не балуйся!

Я смеюсь:

– Не буду баловаться. Обещаю, что с первого января начну новую жизнь и буду во всём тебя слушаться.

Саша отдаёт мне сумку с Малышом. Пора расставаться. Скорый поезд останавливается в Нашем Городке всего на пять минут. Втискиваю себя в дверь вагона, оглядываюсь. Марина вытирает глаза платочком. Посылаю ей луч любви:

– Пожелай мне удачи, звёздочка.

Марина слабо улыбается:

– Удачи и обязательно принимай таблетки!

Кто не знает: германские поезда устроены не так, как российские. На станциях проводники не стоят с флажками у дверей и не проверяют билеты у пассажиров. Здесьходишь самостоятельно, идёшь по проходу до своего кресла, устраиваешься. Спальных вагонов мало. Европейские расстояния не позволяют долго спать. В основном, народ предпочитает путешествовать в удобных креслах с высокими спинками, как в самолётах или автобусах. Пассажирские места сгруппированы по четыре – два кресла напротив других двух. Возле каждой такой четвёрки на стене находится маленькое электронное устройство с фамилиями пассажиров, купивших эти места. Чужое место не займёшь. Впрочем, устройство вагонов различается

Уже в поезде понимаю, что, оказывается, я сел не в свой вагон. Вот какой рассеянный с улицы Бассейной! Или это Маринка виновата со своими слезами? Отвлекла. Теперь ничего не поделаешь. Гремя чемоданом, веду себя по почти пустому вагону. Тяжёлая сумка с Малышом давит на плечо. Дальше мой путь лежит через вагон-бар. У барной стойки пожилые дядьки пьют кофе. Я тоже хочу кофе, но, пока поезд не тронулся, мне необходимо угнестись. Наконец, вижу своё имя на экране устройства. Других имён там нет. Значит, еду без соседей. Убираю чемодан в багажный отсек над головой, сажаю себя в кресло, ставлю сумку, в которой сопит мой ангел-хранитель, под ноги, с облегчением вздыхаю. Всё, я готов. Можно отправляться.

Я еду в Нюрнберг. Там я должен сделать пересадку на автобус до Праги. Марина, которая покупала мне билет в автомате на вокзале, сказала, что выбрала для меня самый оптимальный маршрут. Мне понадобится минимум усилий. В Нюрнберге у меня будет целых полчаса, чтобы дотопать до международного автобуса. Автобус прибывает на пражский Центральный вокзал в три тридцать пять. Мне хватит светлого времени суток, чтобы созвониться с Ульяной Сергеевной и на метро добраться до улицы Врановска. Дома я заранее посмотрел на карте, где находится эта улица. В следующий понедельник еду домой в обратном порядке: сначала на автобусе, потом пересадка в Нюрнберге на скорый поезд. Последний отрезок пути и здравствуй Наш Городок с улыбающейся Мариной на перроне.

Стартанули. Статичная картинка за окном плавно уплывает назад. Наш поезд быстро набирает скорость и через минуту городские здания сменяет унылый однообразный пейзаж: природа в дождь. Мне удивительно то, что состав двигается по рельсам без привычных перебоев и потряхиваний на стыках. Как будто стальные колёса катятся по стеклу. Но мне это нравится.

Не успел я привыкнуть к новым ощущениям, как по внутренней связи объявляют: «Дамы и господа! В связи с тем, что неизвестный мужчина совершил самоубийство, бросившись под поезд на нашей линии, возможно опоздание в Нюрнберг на сорок минут. Просим вашего понимания». Я понимаю, что всё становится очень плохо. Плохое начало, не к доброму концу. Не мог этот самоубийца немного подождать, пока мы проедем? Ему без разницы, а мой автобус из-за него теперь уйдёт в Прагу на десять минут раньше прибытия нашего поезда. У меня же нет этих десяти минут!

Легко постукиваю кончиками пальцев по сиденью. На моём тайном языке это означает: «Без паники!» Вынимаю мобильник, набираю Маринин номер. Она отзывается мгновенно, как будто ждала, что я позвоню. Вздвинченный, говорю ей про тревожное объявление.

– Не переживай, родной, – успокаивает меня Марина. – Если ваш поезд опоздает, то автобус тоже задержится. Такое правило.

Уже весело прощаюсь с супругой. Как хорошо, что моя Маринка знает всё!

Над входом в вагон висит большое табло, на котором бегущая строка сообщает пассажирам текущую информацию о поездке. Двадцать первый век. Читаю на табло: опоздание сокращается до тридцати пяти минут. Ну, вот, жизнь-то налаживается! На этой радостной волне я вспоминаю про Малыша. Что там подделывает мой ангел-хранитель? Открываю сумку. Жизнь – это череда встреч и расставаний. Вот мы и встретились. Да, Малыш? Но Малыш на меня не реагирует – крепко спит. Храпит, словно прапорщик. Ну и ладно.

Железнодорожный вокзал в Нюрнберге – шумный, неуютный, кишачий народом муравейник. Конгломерат деловитых иностранцев всех типов и обликов. В зале ожидания на круглых тумбах сидят местные «синяки» – бабы и мужики. Они громко переругиваются хмельными голосами. Сразу видно, что Нюрнберг – город большой. Дома каменные, люди железные. Никакого сравнения с чистеньким и малолюдным Нашим Городком.

Смотрю на время. Наш скорый поезд опоздал всего на пять минут. Для скорого поезда совсем не плохо. Теперь я должен найти автобус до Праги. В моём билете указано, что пере-

садка займёт семь минут. Хорошо бы ещё знать, в какую сторону идти. Наобум вывожу себя на улицу. У вокзальных дверей вижу указатель. Вот теперь всё ясно – я ошибся. Мне нужно в противоположную сторону. Чувствую, как я устал – голова кружится сильнее обычного, ноги ватные, сердце стучит, как барабанные палочки, плечи ноют. Мне немогут тащить чемодан и сумку с Малышом. Придётся сделать нелёгкий выбор. Опускаю сумку на заплёванный асфальт, растёгиваю молнию. Малыш смотрит на меня, выжидательно подняв правую бровь. Мол, какие-то проблемы?

Я выковыриваю сонного пса из сумки, ставлю на ноги, пытаюсь одеть ему намордник. Напрасно. Малыш отворачивает морду до тех пор, пока я не выдыхаюсь. В его глазах застыл вопрос: ты думаешь, что умнее меня? Надеюсь, что в моих глазах он читает ответ: успокойся, псина. Так все люди думают.

Засунув бесполезный намордник обратно в сумку, я пристёгиваю поводок к ошейнику.

– Надеюсь, что ты будешь счастлив со мной даже на привязи. Шагай вперёд, поводырь!

Я слегка дёргаю поводок, но Малыш и в этом не проявляет ни малейшей склонности к сотрудничеству. Он просто ложится на брюхо и отворачивается от меня.

– Ну, что же ты? Решил побыть крутым Ппуко? Берегись, станешь не нужен!

Всё напрасно. Никакой положительной реакции на мои уговоры и угрозы. Мне кажется, что вредная псина рассеянно пересчитывает ноги прохожих, мелькающие у него перед носом. Может, Малыш не бульдог, а помесь ленивца с упрямым ослом?

Потратив пять драгоценных минут, сдаюсь:

– О'кей, ты победил, – неохотно признаю я. – И что теперь? Хочешь обратно в сумку?

Малыш поворачивает ко мне башку и согласно поднимает левую бровь. Надеюсь, что я правильно его понял.

– Ну, уж нет, Ппуко. Я тебя не потащу. Слишком ослабел. Прими это, как горький факт. Теперь тебе придётся позаботиться о себе самому. Я не собираюсь из-за твоих капризов опаздывать на автобус. Всё, я пошёл. Чюсс!

Раздражённо отстёгиваю поводок, швыряю его в сумку, пустую сумку вешаю себе на плечо и, не оглядываясь, бреду за угол. Где-то там должен быть другой выход из вокзала с автобусом на Прагу. Малыш встаёт и плетётся следом за мной. Картина под названием: «Человек и собака, не обращающие друг на друга никакого внимания».

Я угадал: за углом стоит двухэтажный автобус с огромной надписью «Прага» во весь борт. К открытой двери тянется очередь пассажиров, обвешанных багажом. Молодой человек в униформе смотрит билеты и грузит чемоданы в багажное отделение под автобусом.

– Это ваша собака, сэр? – спрашивает по-английски молодой человек в униформе, когда очередь доходит до нас с Малышом. Видимо, экипаж состоит из чехов.

– Да, моя собака на неделю.

– Нам запрещено возить собак без намордников, сэр.

Лаконично, но главное – сразу стало всё понятно. Устало объясняю:

– Поймите, это очень робкий пёс. Его нельзя оставлять одного. У него аллергия на одиночество – сразу сопли из носа и слёзы из глаз. Он же небольшой и ему кажется, что все крупные существа хотят разорвать его в клочья. Он совсем бестолковый. Нужно постоянно всё ему объяснять. Да вы и сами видите.

Малыш с глупой мордой слушает мою речь. Из пасти свисают вязкие слюни.

– Нам запрещено возить собак без намордников, сэр, – твёрдо повторяет молодой человек.

У меня нет сил спорить дальше – пять минут назад Малыш высосал последние.

– О'кей. Я что-нибудь придумаю.

Возвращаю себя за угол, открываю чемодан. Так я и знал – в нём ещё достаточно свободного места. Открытый мной закон вселенского баланса гласит, что если где-то на одну

собаку становится меньше, то в другом месте – на одну собаку больше, поэтому без лишних разговоров укладываю в чемодан Малыша. Он безропотно устраивается на стопке моей одежды. Чемодан сделан из жёсткой пластмассы, поэтому я не боюсь, что Малыша раздавит. Воздух туда тоже поступает.

– Лежать! Жди! – на всякий случай приказываю я псу. Марина говорила, что он обучен командам. – Отныне мы живём по чешским правилам. Будешь хорошей собакой, снова станешь Малышом и полюбишься Златой Прагой.

Проделываю обратный путь до автобуса. На этот раз всё в порядке. Молодой человек наклеивает на вещи бумажные ярлычки с номером моего места, затем аккуратно укладывает сумку и чемодан в битком набитое багажное отделение.

– Прошу вас пройти в автобус, сэр. Мы отправляемся через минуту.

Едва успеваю усадить себя в кресло, как автобус с грузом из пятидесяти трёх человек и одной собаки трогается. Прощай, Нюрнберг! Нас ждут мокрые поля, покрытые рядами солнечных панелей, громадные башни ветряных электростанций с трёхлопастными пропеллерами, лениво крутящимися в пасмурном небе и раздавленные ёжики на гладком полотне автобана. Здравствуй, Чехия!

Что я знаю о Чехии? Листаю путеводитель. Небольшое государство, гордо расположившееся в центре Европы. Официальное название: Чешская Республика. Площадь: около восьмидесяти тысяч квадратных километров. Население: десять с половиной миллионов. Столица: город Прага – один миллион двести пятьдесят тысяч жителей.

Кем и чем знаменита Чехия? Перечислять можно долго. Сожжённый на костре церковный реформатор Ян Гус. Слепой предводитель гуситов Ян Жижка. Писатели: умерший от истощения корифей литературы страха и абсурда Франц Кафка, изобретатель слова «робот» Карел Чапек, чудаки и непоседы Ярослав Гашек. Звонкоголосый поп-певец семидесятых Карел Готт. Ещё у чехов есть по умолчанию великолепное пиво, годные, вишнёвого цвета мотоциклы «Ява», отстойные трамваи и позорные самосвалы «Татра», надёжные, как дедушкин сундук, автобусы «Шкода». Кроме того, оказывается, Чехия занимает первое место среди европейских стран по бисексуализму, группенсексу, содомии и прочим сексуальным извращениям. Так что страна интересная.

Смотрю в окошко. Судя по дорожным указателям, Чехия действительно небольшое государство. Каково это – быть чехом и понимать, что такие же, как ты, люди заканчиваются в пятидесяти-ста километрах от тебя? Всего час езды и вокруг уже чужой народ с другим менталитетом, языком, привычками, юмором. Как тревожно, наверное, это осознавать. Мне, бывшему жителю гигантской страны, такое чувство неведомо.

А что там у нас со Златой Прагой? Это древний город, полный мрачной мистики и печального очарования. Место, где происходило множество таинственных событий, так и не нашедших своего разумного объяснения. Чего стоит один голем – глиняный великан, созданный в шестнадцатом веке главным раввином Праги Йехудой бен Бецалелем для защиты евреев от преследований. Раввин – знаменитый каббалист и талмудист – смог оживить голема и заставить его служить себе. Легенда говорит, что останки голема до сих пор находятся на чердаке Староновой синагоги, прикрытые полуистлевшими синагогальными облачениями и обрывками древнееврейских книг. Вот бы взглянуть!

Напоминаю себе, что я еду в Прагу не на экскурсию. А зачем я туда еду? Ну, написал какой-то одержимый дурацкий людоедский рассказ. И что? Разве это достаточная причина для того, чтобы сорваться с места и в компании с чужим бульдогом мчаться за тридевять земель? Даже если это тридевять земель по немецким меркам.

По салону проходит молодой человек в униформе. Он несёт поднос с одноразовыми стаканчиками. Я и не подозревал о таком сервисе. Кофе? Не помешает. Подаю парню пол-

тора евро и забираю один стаканчик. «Спасибо. – Пожалуйста, сэр». Осторожно отхлёбываю кофе. Он горячий, сладкий, с молоком. Такой, какой я люблю.

История «Умри от удовольствия» связана с чем-то очень нехорошим. Я почти физически ощущаю зло. Из-за этого я и потерял покой. Что, если любитель человечинки действительно существует? А вдруг всё написанное в рассказе правда? Дикая, невозможная правда? Тогда что? Как рука правосудия дотянется до чудовища? Большой вопрос. Ведь никто не встанет на уши. Никто даже не видел «Умри от удовольствия». Эту мерзость читал я и, возможно, второй член жюри. Юлия Леонидовна видела рассказ, но не читала, а я заглянул во тьму. Зачем автор послал его на конкурс? Псих пообещал, что вечером исполнит свой страшный замысел. Он отправил файл Юлии Леонидовне за пять минут до полудня и через несколько часов она пропала. Может быть, псих писал своё произведение для самой Юлии Леонидовны? А она в запарке не стала его читать и сразу переправила мне.

Жаль, кофе быстро кончился. Вкусный! Отдаю стаканчик молодому человеку, который снова идёт по салону, собирая пустую посуду.

А может, я всё выдумываю, зря жути нагоняю? Может, и нет никакого людоеда, а есть талантливый писатель ужасиков? Вот будет забавно, если в Праге меня встретит живая и невредимая Юлия Леонидовна. Впрочем, дай бог, чтобы так оно и было.

Спустя четыре часа и три стаканчика кофе наш забрызганный грязью автобус въезжает в чешскую столицу. Сказочная Злата Прага встречает нас блёклым небом, тусклым солнцем, линиями стенами домов и заурядными лицами прохожих. А чему тут удивляться? Слякотная среднеевропейская зима. И то уже хорошо, что дождя нет.

Усталый автобус высаживает нас на Центральном вокзале. Молодой человек в униформе любезно подаёт мне багаж – почти пустую собачью сумку и чемодан с самой собакой. «Спасибо. – Хорошего дня, сэр!» Надо бы сердечно улыбнуться парню, но я не в настроении после долгого пути. Умираю с голоду. Ничего, у меня есть жареная утка.

Катя за собой чемодан, захожу внутрь вокзала. Главный пражский вокзал – обширный, с множеством залов и закутков. По сравнению с ним, вокзальчик Нашего Городка просто «ушёл курить». Усаживаю себя на первую же свободную скамейку. Первым делом необходимо проверить, как там Малыш себя чувствует. Открываю чемодан. На меня смотрит очень грустный пёс. Пёс-извинение. Я сурово разглядываю Малыша и то, на чём он лежит. Малыш отворачивает от меня башку. Из пасти подозрительно пахнет жареной уткой. Машинально постукиваю кончиками пальцев по скамейке. На моём тайном языке это означает: «Не ржать!» В общем-то, я сам виноват.

– Ну, что, наелся, Ппуко?

Малыш умоляюще поднимает правую бровь и издаёт жалобный звук.

– Не скули, как бобик на помойке! Будешь теперь сидеть в чемодане до самой Врановской.

С чёрствым лицом закрываю чемодан. Утиными костями займусь позже. Я должен сделать пару обязательных звонков. Первым набираю номер Марины. Упс! Мой мобильник не может найти оператора. Тогда звоню Ульяне Сергеевне. И тоже безрезультатно. Германская сим-карта в Чехии не функционирует. Ну и ладно.

Поднимаю себя со скамейки и решительно двигаю в сторону пункта обмена валюты. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Обменяв сотню евро по бог его знает, какому выгодному курсу, направляю свои стопы к метро. Вход в метрополитен тут же в вокзале. Я в курсе, что билет можно купить в автомате у входа или в билетной кассе. Такой билет действителен не только на метро, но и на остальных видах городского транспорта: трамваях, автобусах, даже канатной дороге и паромах через Влтаву. Однозначно выбираю кассу. Я принципиально не доверяю технике – она обманет тебя, когда захочет, а вот ты её не обманешь.

Очереди к кассе нет. Подхожу. Из окошка мне приветливо улыбается женщина средних лет. «Халло! – Халло!» Пытаюсь по-английски сказать, что мне нужен билет на три дня за триста десять крон. Женщина смущённо отвечает на чешском, что не понимает по-английски. А по-немецки? Тоже нет. А по-русски? Ура! Общий язык найден.

Попрощавшись с симпатичной билетёршей, пробиваю в жёлтом компостере новенький билет, спускаю себя по эскалатору под землю, сажаю в переполненный состав. Устроив себя на сиденье, рассматриваю своих попутчиков. Вокруг меня утомлённые пражане, возвращающиеся с работы домой. Перед каждым закрытием вагонных дверей приятный женский голос из динамиков предупреждает: «Бла-бла-бла, двержесезавирайи!» Легко можно догадаться, что это означает: «Бла-бла-бла, двери закрываются!»

От Центрального вокзала по красной линии «Ц» я доезжаю до следующей станции «Флоренц», там перевожу себя на жёлтую линию «Б» и отправляю в дальний путь до «Райской заграды». Моя станция предпоследняя на этой линии.

«Бла-бла-бла, двержесезавирайи!»

...

«Бла-бла-бла, двержесезавирайи!»

...

«Бла-бла-бла, двержесезавирайи!»

...

И так целых семь раз. Наконец: «Бла-бла-бла, двержесезавирайи! Пржишти станице Райска заграда!»

Вздрагиваю. Это же моя станция! Оказывается, я задремал.

Когда я выбираюсь из метро на тёмную улицу, там снова идёт дождь.

Глава 4

Шлёпаю по лужам в густых вечерних сумерках. Сверху барабанят холодные капли, за собой я тяну чемодан, за чемоданом плетётся мокрый Малыш с видом бедной потеряшки. Выйдя со станции метро, я выпустил пса на волю. Пусть разомнёт ноги, обжора.

Похоже, что мы заблудились. И спросить не у кого, где эта проклятая улица Врановска. Вокруг ни души. Только равнодушные стены домов, да редкие автомобили, с тревожным воем проносающиеся по шоссе, вдоль которого мы куда-то шагаем. Наугад выбираю новое направление. Мы преодолеваем ещё пятьсот трудных метров. С трудом переводя дыхание, останавливаюсь, чтобы сориентироваться. Так. С одной стороны – шоссе, с другой – бесконечные заборы, за которыми виднеются производственные постройки. Гаражи не гаражи, мастерские не мастерские. Передо мной полуоткрытая калитка с вывеской какой-то фирмы. Заглядываю внутрь участка. Может быть, хоть там найдётся добрая душа? От калитки каменная дорожка ведёт к дверям небольшого домика. В незашторенном окне рядом с дверью горит свет. Видно, как пожилая дама за столом, заваленным бумагами, занимается бухгалтерией. Офис? Вот он – мой шанс! Решительно распахиваю калитку и гремлю чемоданом по камням дорожки. Малыш от меня не отстаёт ни на шаг. Тоже устал и замёрз, бедолага.

Дверь не заперта, поэтому я без труда попадаю в офис. Дама испуганно поднимает на меня глаза, когда я вваливаюсь в комнату.

– Халло!

– Бла-бла-бла? – нервно спрашивает дама.

Я понимаю её реакцию. Сам бы испугался, если ко мне в офис поздно вечером внезапно ворвался бы, тяжело дыша и вращая глазами, насквозь промокший незнакомец. К сожалению, я понимаю её реакцию, но не понимаю слов.

– Вы говорите по-английски?

Следует отрицательный жест.

– По-немецки?

Тоже мимо.

– По-русски?

– Немного говорю, – уже улыбается дама, глядя на Малыша, стеснительно просовывающего башку в дверь.

Объясняю даме свою ситуацию. Так, мол, и так: не могу найти улицу Врановскую, где меня ждут друзья, а мой мобильник не работает. Дама придвигает ко мне телефонный аппарат.

– Пожалуйста, звоните.

Набираю номер, полученный от Ульяны Сергеевны.

– Ой, Вадим! Ну, где же вы? В Праге? Замечательно! А почему не позвонили, я бы вас встретила?

Снова объясняю ситуацию.

– Не волнуйтесь, Вадим, – волнуется Ульяна Сергеевна. – Вы уже почти добрались до цели. Я сама в данную минуту нахожусь в центре с мастерами российской словесности, но в гостевом доме должен быть Валера.

– Кто такой Валера?

– Ой, Валерий Водостой – это очень известный рязанский поэт! Он вас встретит и устроит. Я ему сейчас же позвоню. Но учтите, Вадим, если вы хотите сегодня принять участие в ужине «У фландрского короля», то поторопитесь. Оставьте свои вещи в доме и с Валерой приезжайте на Вацлавскую площадь – по-чешски Вацлавске намести. Запом-

нили? Я с участниками фестиваля там буду вас ждать. Оттуда мы все вместе поедem на трам-
вае в ресторан.

– О'кей.

– Чудесно! Тогда до встречи!

– До встречи.

Пока я разговариваю с Ульяной Сергеевной, дама разворачивает на столе большую
карту Праги.

– Вам нужно вернуться к «Райской заграде» и пойти в другую сторону. Улица Вранов-
ска от метро недалеко.

Дама показывает на карте пропавшую улицу.

– Запомнили?

– Да. И спасибо вам.

Дама улыбается:

– Двадцать лет назад я целый месяц жила в Киеве. Крещатик, Днепр... Это было чудес-
ное время! С тех пор я обожаю Россию.

Тактично не напоминаю, что Киев давно уже не Россия. Зато обещаю себе непременно
подарить этой добросердечной женщине коробку конфет. Топая сапогами, в офис заходят
двое рабочих в грязных комбинезонах. Они недоумённо косятся на нас с Малышом. Ясно,
что нам пора уходить.

– До свиданья, пани!

– До свидания, пан!

Ещё через четверть часа стоим с Малышом на крыльце ничем не примечательного
двухэтажного дома, обнесённого невысокой оградой. Такие похожие друг на друга дома
с елями, растущими на участках, и формируют местный ландшафт. Нажимаю кнопку звонка.
Дверь открывает невысокий плотный седоватый мужчина.

– Здравствуйте. Вы, наверное, Вадим?

– Да.

Мужчина хватает меня за руку и сильно трясёт, словно проверяя, не отвалится ли она
от меня.

– А я Валерий Водостой из Рязани. Можно просто Валера. Ульяна Сергеевна мне только
что звонила. Да вы проходите.

Рязанский поэт впускает нас с Малышом в квадратную прихожую. От бульдога он
опасливо отодвигается подальше.

– Хорошая собачка, хорошая...

Малыш поворачивает ко мне башку и вопросительно поднимает левую бровь – мол,
куда нам теперь? Я успокаивающе киваю псу. Сейчас узнаем.

– Та дверь – в вашу комнату, – показывает Валера. – Ключ висит на гвоздике. Берите,
открывайте, располагайтесь. Если что – туалет и кухня рядом.

Снимаю ключ с гвоздика, отпираю дверь. К счастью комната находится на первом
этаже. После инсульта лестницы стали моим проклятием. И зачем люди придумали эти опас-
ные сооружения? Лестницы нужны только для того, чтобы постоянно с них падать.

Открываю дверь, осматриваю место, которое должно меня приютить на ближайшие
дни. Ну, что я могу сказать? Помещение, разумеется, не апогей роскоши, удобства и барских
размеров. Шкаф, стол, два стула, две узких кровати, телевизор на тумбочке. Окно без роль-
ставней – в гостевом доме их нет. На подоконнике стоит горшок с какой-то органической
жизнью. В целом – ничего лишнего. Чешский минимализм.

Малыш первым входит в комнату, пробегает, оставляя мокрые следы, к одной из кро-
ватей и хлопается на коврик.

– Ваша собачка угадала. Эта кровать свободна, а другую занимает Закарлюка, – сообщает мне Валера.

– Что за Закарлюка такая?

– Василий Закарлюка – сибирский пчеловод и автор рассказов о жизни в сельской глубинке.

– Не слышал.

– Ну, вот и познакомитесь. Вы едете в ресторан, Вадим?

– Да.

– Тогда я с вашего позволения быстренько переоденусь и мы тронемся.

Валера уходит. Я тоже решаю сменить мокрую одежду. Достаяю из чемодана костюм, рубашку, галстук в тон. Вытряхиваю из них утиные останки. Жирных пятен на одежде вроде нет. Переодеваюсь. У меня побаливают ступни. Снимаю носки, разглядываю. Мои недавние блуждания не прошли даром. Я сильно натёр пальцы ног. До пузырей. М-да, не надо было надевать новые туфли. Марина предупреждала, но я решил, что кроссовки с костюмом не пойдут, а тащить с собой две пары обуви не хотелось. Ладно, как-нибудь продержусь. С трудом всовываю ноги обратно. Обращаюсь к Малышу, внимательно следящему за моими действиями:

– А ты, Ппуко, можешь поужинать тем, что осталось от моей утки и ложиться спать. Меня не жди. Я вернусь поздно. Хочу немного погулять.

Услышав «гулять» Малыш вскакивает с места, но не тут-то было.

– Нет-нет! Тебя это не касается, – строго говорю я псу. – Вечерняя Прага не для таких обжор, как ты. Ты остаёшься здесь караулить мою постель.

Малыш начинает жалобно поскуливать.

– И завидуй молча. Запомни: жизнь – это всего лишь череда встреч и расставаний.

Больше не обращая внимания на несчастного пса, вывожу себя в прихожую, запираю дверь, вешаю ключ на гвоздик. Валера уже ждёт меня у выхода. Он одет в дождевик, на голове кожаная кепка, в руках здоровенный портфель, в котором поместится целая деревня. Спускаемся с крыльца, и поэт с места берёт такой темп, размахивая портфелем, что я никак не могу за ним угнаться. Заметив, что я отстал, Валера дожидается меня под уличным фонарём, а когда я, наконец, догоняю его, сконфуженно произносит:

– Извините, Вадим. Я немного подшофе. Стоит мне выпить, как меня переполняет дурная энергия. Просто не могу усидеть на месте. Неудержимо хочется двигаться. Куда-то бежать, что-то делать.

– Бывает, – тяжело дыша, соглашаюсь я.

– Вообще-то я не пью. Это Чаркин сегодня на обеде уговорил меня выпить полбутылки пива за знакомство. Оказывается, у чехов очень пьяное пиво!

Я укоризненно молчу, наслаждаясь передышкой. Хотя поэты и склонны к преувеличениям, но, видимо, Валера действительно не пьёт, если его так колбасит с полбутылки. Кстати, укоризненно молчать я научился с Виолеттой, когда она ещё была просто женой, без обязательного прилагательного «бывшая», а отточил до блеска с Мариной. Своей укоризной мне удаётся слегка пригасить Валерину скорость, поэтому к «Райской заграде» мы прибываем почти одновременно. Заставив выслушать десять раз «Бла-бла-бла, дверже-сезавирайи!» метрополитен выпускает нас из вагона на станции «Мустек». Поднимаемся на поверхность. Мы на знаменитой Вацлавской площади. Вокруг шумит яркий рождественский базар. На другом конце площади перед величественным зданием Национального музея каменеет конная статуя святого Вацлава – небесного покровителя Чехии.

В отличие от угнетённых спальных районов, откуда после восьми вечера уходит всякая жизнь, здесь, в центре Праги, жизнь бурлит. Несмотря на морозящий дождик, по площади

прогуливается масса народа. Светят неугасимые огни. Играет музыка. Слышна разноязычная речь, весёлый смех. Сверкают фотовспышки.

Оказавшись на оперативном просторе, Валера опять вырывается далеко вперёд. Бреду следом за ним; слышу громкий русский разговор, делаю поворот в сторону родного языка. Минуту спустя с трудом нахожу Валеру в группе русскоязычных. Стоя на продуваемом углу под дождём, участники фестиваля оживлённо обсуждают своё ближайшее будущее. Приближаю себя к ним, здороваюсь:

– Добрый вечер!

Литераторы осыпают меня приветствиями: «Добрый вечер! Вечер добрый! Здравствуйте! Привет! Доброго здоровья! Моё почтение!» Хорошо ещё, что хоть «Гой еси, добрый молодец!» не слышать.

Из группы выступает невысокая, не выше моего плеча, женщина в куцем пальтишке. Над головой она держит пёстрый зонтик.

– Ой, вы Вадим? Как замечательно, что вы с нами! Будем знакомы. Я – Ульяна Сергеевна Подъяблонская.

Женщина сердечно пожимает мне руку, потом поворачивается к остальным и спрашивает:

– Друзья, кто едет в ресторан?

– С кем вы, мастера культуры? Ну, шо вы спрашиваете, Ульяна? Все, конечно, едут, – с неподражаемой украинской певучестью отвечает рослая представительница прекрасного пола лет за тридцать. К ней присоединяется крепкий мужик (сразу видно, что русак – весь рот золотой):

– Ну, давайте, ребята, поехали уже! А то у меня, как в той песне: «И кишка с кишкою говорит».

Ульяна Сергеевна поднимает зонтик повыше и кричит, перекрывая уличный шум:

– Тогда так, друзья! Те, кто едет в ресторан на восхитительный ужин, идите за мной. Сейчас мы сядем на трамвай. У тех, кто не участвует в мероприятии, – свободное время. Встречаемся завтра в десять в центре науки и культуры.

Часть участников фестиваля расходится по сторонам, но большинство двигается за пёстрым зонтиком Ульяны Сергеевны. Я тоже. Все силы моего измученного организма сконцентрированы на том, чтобы не отстать от коллег, поэтому я не глазею по сторонам. В памяти остаются только разноцветные огни, темнота между ними, неровный камень под ногами, повороты направо и налево, трамвайная остановка, трамвай.

В вагоне людей не много. С облегчением сажаю себя на сиденье. Рядом, мокрым снопом, плюхается рослая представительница прекрасного пола. Кудрявая шатенка, глаза-смоудины, крупный нос, полные губы. Лицо решительное, даже чересчур.

– Можно к вам под бочок, серьёзный мужчина? – добродушно произносит шатенка. – Меня зовут Алёна. Алёна Жолобайло с Одессы. А как ваше имя?

– Вадим.

– Очень приятно, Вадик, – продолжает атаку Алёна. – Я слышала, шо ты – можно на «ты»? – член жюри в «прозе»?

– Да, а что?

– Значит, мою любовную поэзию ты не читал. Жаль.

– Не всем же везёт, – двусмысленно замечаю я.

– Юморишь? – с подозрением спрашивает Алёна.

– Да нет. Не сильно.

– Выходим, друзья! – объявляет Ульяна Сергеевна.

Кто не знает, средневековый ресторан «У фландрского короля» находится в старинной части Праги на старинной улице в старинном доме. Улица замощена круглым, скользким

от дождя булыжником, поэтому литераторы, охая и чертыхаясь, с трудом добираются до дверей заведения. Благо, что от трамвайной остановки идти не далеко. Я тоже мотаюсь из стороны в сторону, пока Алёна не берёт меня под руку. Ну и ладно.

Входим. Да, это точно не луна-парк. Мрачной экзотики навалом: слабый свет, неоштукатуренные стены, сложенные из камней, старинная атрибутика, средневековые наряды персонала. Первая неприятная неожиданность – залы ресторана располагаются в древних подвалах. Вторая неприятная неожиданность – к столам, заказанным Ульяной Сергеевной, нужно спуститься на минус пятый этаж. Самый распоследний. Вниз ведут щербатые каменные лестницы без перил, едва освещённые горящими факелами. Я так и знал!

Ковыляю по неровным ступеням, опираясь на Алёну. Здравствуй клаустрофобия, мой друг детства! Чем ниже – тем сильнее. Окон же нет. На каждом этаже лестницу украшают неподвижные фигуры: рыцарь в латах, какие-то волосатые дядьки со страшными рожами... Мне их разглядывать некогда. Не брякнуться бы.

Наконец, забираемся в самую глубину подвала, на дно. На дне, ожидаемо, тускло и душно. Затхлый воздух пропитан дымом свечей, горящих на длинных деревянных столах. Два таких стола, составленные вместе, предназначены для нашей компании. За другими столами на лавках сидят люди – едят, пьют, разговаривают. Из стен там и сям торчат жуткие крючья.

Рассаживаемся. Снимаем верхнюю одежду и складываем её горой на лавку. Валера увенчивает вершину горы своим здоровенным портфелем.

– А шо здесь раньше было, Ульяна? – задаёт вопрос Алёна. – Застенок какой-то.

Вместо Ульяны Сергеевны любопытной одесситке отвечает представительный толстяк с аккуратной седой бородкой, как у гасконца, и в очках:

– Ну, что вы, голуба моя. Эти подвалы были вырыты для хранения продуктов. Ведь чем ниже – тем холоднее. Видите крючья? Когда-то на них висели свиные туши, колбасы и окорока.

К нашему столу подлетает официантка – бойкая девушка в убогом платье до пола. Она шустро раздаёт меню и снова улетает наверх.

– Что вы нам порекомендуете, Ульяна Сергеевна? – спрашивает томным голосом полная белокурая женщина, похожая на надутую бабу. Блондинка сидит в обществе точно такой же блондинки и двух мужчин.

– Я советую попробовать суп в хлебе и куриные окорочка в меду.

– А это не дорого? – интересуется вторая блондинка. На ней красивое вечернее платье с расчётливой наготой – глубоким декольте и голой спиной. Бессмысленное в этом непрезентабельном подвале, как концертный рояль в хрущёвке.

– Нет-нет, девочки. Это совсем недорого, много и невероятно вкусно!

– Вы забыли сказать про пиво, Ульяна Сергеевна! – восклицает мужик с золотыми зубами. Валера, сидящий рядом с ним, вздрагивает.

– Ой, Костя! Про пиво вы скажете лучше меня, – смеётся Ульяна Сергеевна. Кстати, теперь она ёжится в коротком платье на размер меньше. Видимо, наш организатор фестиваля из тех женщин, чьи пятьдесят – это вечные двадцать.

– Да, ребята, – шумит мужик. – «У фландрского короля» – самый прокачанный ресторан в Праге! Здесь подают исключительное пиво! Они сами его варят. Такое классное пиво вы больше нигде не найдёте. Рекомендую от всего сердца!

Бойкая официантка прилетает вновь. Она достаёт блокнот и записывает в него наши пожелания. Официантка немного понимает по-английски, немецки и русски, а представительный толстяк бегло говорит по-чешски, так что проблем не возникает. Я заказываю суп в хлебе и, для лечения клаустрофобии, большую кружку пива. А что? Не строганину же и чёрный чай брать.

Пока мы ждём заказы, Ульяна Сергеевна предлагает:

– Друзья, давайте познакомимся друг с другом. К сожалению, не все участники фестиваля приняли приглашение на сегодняшний ужин. Некоторые вообще ещё не приехали, но основной состав здесь. Поэтому предлагаю всем присутствующим по очереди назвать своё имя и коротко сказать что-нибудь о себе. Буквально в двух словах. Поэтам можно прочитать короткое стихотворение. Кто «за»? Единогласно. Тогда я начинаю.

Ульяна Сергеевна встаёт с места и представляется:

– Ульяна Сергеевна Подъяблонская, организатор фестиваля российской культуры в Праге и ведущая номинации «поэзия».

– Знаем! – кричит золотозубый Костя.

– К сожалению, член жюри в «поэзии», Давид Луарсабович, не смог приехать, – продолжает Ульяна Сергеевна. – Давид Луарсабович является моим учителем, моим наставником в поэзии и, скажу честно, в жизни. Я была счастлива, когда такой великий человек согласился участвовать в нашем фестивале.

Ульяна Сергеевна поёт дифирамбы неведомому Давиду Луарсабовичу до тех пор, пока все не начинают ненавидеть великого человека. Облизав его с головы до ног, Ульяна Сергеевна декламирует свои стихи, что-то там про осень и несчастную любовь, но я не слушаю. Мне интересно знать, нашлась ли пропавшая Юлия Леонидовна.

После непродолжительных аплодисментов поднимается толстяк с бородкой.

– Я – Аркадий Валентинович Подъяблонский, член жюри в номинации «поэзия»...

– ...и муж очаровательной Ульяны Сергеевны! – добавляет весёлый Костя.

– И муж очаровательной Ульяны Сергеевны, – соглашается толстяк.

– Я просто обязана добавить, что Аркадий Валентинович – известный учёный-филолог, профессор, преподаёт русский язык и литературу в Карловом университете и ведёт курсы чешского языка в пражском центре российской науки и культуры, – говорит Ульяна Сергеевна, пока муж, застенчиво поправляя очки, занимает своё место.

Профессору Подъяблонскому хлопают более энергично.

– Чаркин! – кричит золотозубый Костя, привставая.

– Не скромничайте, Костя – грозит пальцем Чаркину Ульяна Сергеевна. – Костя Чаркин – успешный предприниматель, спонсор нашего фестиваля. Это благодаря ему, мы смогли провести такое значительное мероприятие. Кроме того, Костя – замечательный детский писатель, автор сказок, пьес для кукольного театра и член жюри в номинации «проза».

Присоединяюсь к аплодирующим. Теперь я знаю, кто второй жюрист прозы.

Следующей представляется полная блондинка с томным голосом.

– Ирина Вилликок. Я – поэтесса из Гётеборга, более известная под псевдонимом Белит, – блондинка трогает за плечо сидящего рядом рыжего грузного мужчину с круглым румяным лицом, – а это мой муж Харри.

Румяный Харри улыбается и молчит. Сразу видно, что швед ни бельмеса не понимает по-русски. Зато его нос получил бы приз на конкурсе самых курносых носов.

– Следующий по порядку – друг нашей семьи Пауль, – продолжает Белит. – Пауль родом из Выборга, но сейчас тоже живёт в Гётеборге. Он только ещё пробует себя на литературном поприще.

Молоденький, худосочный, прыщавый Пауль приподнимается и делает общий поклон. В Германии юношей такого андрогинного типа называют томатными. Томатный Пауль? А что? Ему подходит. Так я и буду его называть.

– А моя подруга Иштар скажет о себе сама, – заканчивает своё выступление Белит.

Встаёт вторая блондинка.

– Я пишу под псевдонимом Иштар, господа.

– А как вас зовут в миру, девушка? – спрашивает Чаркин.

Иштар с заметной неохотой отвечает:

– Ирина Спасибухова, но так как мы с подругой обе Ирины, то, чтобы нас не путали, предпочитаем псевдонимы.

Жидкие аплодисменты не переходящие в овации.

Потом очередь доходит до Валеры Водостоя, Алёны Жолобайло, меня...

Пока идёт представление участников фестиваля, приносят заказанные блюда. Я получаю свой суп в хлебе и здоровенную кружку почти чёрного пива. Сразу отпиваю полкружки. Клаустрофобия немного отпускает. Наверное, потому, что пиво действительно классное. Чаркин не соврал. После пива перехожу к супу. Кто не знает, чешский суп в хлебе представляет собой круглый каравай размером с тарелку. Верхняя корка каравая заранее отрезана и служит крышкой. Поднимаю её. Изнутри весь мякиш удалён и вместо него налит горячий суп – довольно скудная картофельная похлебка с кусочками колбасы. Тем не менее, вполне вкусно. С удовольствием ем суп, откусывая от хлебной крышки.

Тем временем, всё новые писатели и поэты называют свои звучные имена: молодая пара Дарья Брюнеткина и Антон Аксельрод из солнечного Ашдода. Тоненькая, как нос комара, юная Катя Дырофеева с очень полной мамой – мои землячки из Лейпцига. Евгений Эдуардович Плечистый из Львова. Юлиана Сатарова из Торонто, Настюша Пижонкова из Санкт-Петербурга. Платон Ли из Темиртау, Альберт Осечкин из Тирасполя... География фестиваля очень широка.

Я гляжу на беззаботно ужинающих мастеров российской словесности и гадаю, кто же из них наваял чудовищный «Умри от удовольствия». Но звоночек не звонит.

– А где же Юлия Леонидовна? – задаю я вопрос Подъяблонской, когда последний участник фестиваля получает свою порцию аплодисментов и опускается на лавку.

– Ой, понятия не имею! – пьяно машет рукой Ульяна Сергеевна. Она прилично отхлебнула пива из кружки мужа.

– Когда вы видели её последний раз? – не сдаюсь я.

– Подождите, дайте вспомнить, – морщит лоб Ульяна Сергеевна. – Вчера перед обедом. Да ну вас, Вадимчик! Нашли тему. Завтра познакомитесь с нашей ненаглядной Юлией.

– Юлия Леонидовна – загадочна, как «Мария Целеста», – язвительно замечает Аркадий Валентинович, поправляя очки.

– Да бросьте злословить, ребята! Мы же интеллигентные люди. Юлия – шикарная женщина и имеет право на личную жизнь, – вклинивается в наш разговор Чаркин.

Поймав момент, я спрашиваю его:

– Константин, сколько рассказов вы оценивали в финале?

Чаркин с удивлением смотрит на меня.

– Пятнадцать, а что?

– Просто спросил.

В этот момент ужин в подвале обретает новый смысл. На нашем дне появляются артисты: гибкая девушка с голыми плечами и саблями в руках; с ней два парня – один с какой-то замысловатой дудой, другой – с чем-то струнным. Все трое одеты в старинные костюмы. Разговоры смолкают, все поворачиваются лицом к артистам. После короткой паузы, парни начинают играть, а девушка танцевать, ловко управляясь со сверкающим оружием. У неё это здорово получается, несмотря на то, что между столами особо не развернёшься. Одно неверное движение и невезучий посетитель ресторана может лишиться скальпа.

– Смотри, Вадик. Это ж мастерское шоу, – шепчет мне на ухо Алёна. – Во второй части выступления будет жонглирование огнями. Тоже очень круто.

– Ты уже была здесь? – спрашиваю я Алёну, но она не отвечает, а снова шепчет на ухо:

– Вадик, скажи: почему у тебя всё время грустные глаза?

– Потому что.

Алёна прижимается ко мне мягкой грудью.

– Я хотела бы тебя развеселить. Ты разрешишь мне сделать попытку?

– Попытка – это первый шаг к провалу, Алёна. Я понимаю, что женщинам позволено многое, но нет.

– Тогда... Может, хочешь ещё пива?

– Хочешь.

Это Виолетта, когда ещё была просто женой без прилагательного «бывшая», научила меня никогда не отказываться от угощения. Да и пиво, кто бы мог подумать, отменно лечит от клаустрофобии.

Алёна заказывает по второй литровой кружке крепкого напитка, но наши габариты позволяют. Утоляем жажду и, затаив дыхание, смотрим танец с саблями. Круто. Особенно с пивом. Когда выступление заканчивается и под восторженные аплодисменты артисты уходят, я обращаюсь к Подъяблонскому:

– Скажите, профессор, кто такой Зелёный муж?

Глава 5

Подьяблонский с воодушевлением поправляет очки.

– А, так вы интересуетесь пражской стариной, голубчик?

– Нет, я интересуюсь Зелёным мужем.

Профессор немного остывает.

– Ну, что же. Зелёный муж или, если хотите, Зелёный человек – это мотив в искусстве раннего Средневековья. Его характерное изображение – мужское лицо в окружении листьев и частично закрытое листвой. Встречаются лица, выполненные из самих листьев. Из уголков рта вырастают ветви или лозы, часто с желудями, цветами или фруктами, которые указывают, что листья – это слова Зелёного мужа. Самый старый Зелёный муж изображён во французском Сент-Илер-ле-Гран на гробнице Сент-Абр. Он датирован четырёхсотым годом нашей эры. У него ветви вырастают не из уст, а из носа.

– А что означает такое изображение?

– Есть три типа зелёных мужей. Первый – это благородный, духовный Зелёный муж. Он несёт людям свет знания. Второй – Зелёный муж – царь леса. Он несёт магическое могущество. Третий – это демон, причём очень скверный и опасный демон. Этот Зелёный муж считается нечеловеческой сущностью, мощью зла. Его зелёный свет далёк от бога. Он не ведёт себя благородно. У такого Зелёного мужа есть собственный жестокий мир. Он обладает скверным чувством юмора. Он несёт знания, запрещённые людям. Он не помощник людям, его не интересует человеческая душа. Такого Зелёного мужа нужно всячески избегать, иначе однажды может произойти страшная встреча.

– Очень интересно, профессор. А где в Праге есть изображения Зелёного мужа?

Подьяблонский усмехается в седую бородку:

– Ну, голубчик, таких мест не мало. Например, дом «У каменного колокола» на Староместской площади. Там же на Староместской площади на своде аркады Тынской школы находится один из красивейших чешских зелёных мужей. Вроде бы целых восемь штук насчитали на кафедральном соборе святого Вита в Пражском граде. Один есть на эркере часовни Каролинума напротив Сословного театра. Ещё один в зале на первом этаже Каролинума. Парочка смотрит на прохожих со знаменитых Пороховых ворот. И с Малостранской мостовой башни. Но это далеко не все пражские зелёные мужья, голубчик.

Я разочарован. Как там было написано? «У меня есть уединённое гнёздышко под Зелёным мужем». Где же может быть это уединённое гнёздышко?

– Разрешите, я встану! – перебивает профессора Валера, поднимаясь с лавки. Язык поэта заметно заплетается. Что совершенно неудивительно: перед Валерой стоят три пустых кружки из-под пива. – Скажите, Аркадий Валентинович, а правда, что по-чешски «чёрствый» означает свежий?

– Примерно так. Черстви потравини – свежие продукты. Вообще с чешским языком нужно быть аккуратным. Хотя он и похож на русский, но часто знакомые нам слова имеют другое или противоположное значение.

– Например? – спрашиваю я.

– О, таких слов великое множество. Фрукты – овоцэ, овощи – зеленина, запах – вуне, вонь – запах, прекрасный – ужасни, проститутка – невестка, гречка – поганка, стол – стул, дурак – питомец, холостяк – младенец, нюхать – чихат, забыл – запомел, запомнил – запаматавал. Это далеко не все, конечно.

– Господи, профессор. Это прям кошмарный ужас какой-то! – манерничает Белит.

Артисты возвращаются на дно. Танцовщица переоделась в одежду, более подходящую для работы с огнём, в руках тонкие стальные цепочки с шариками, пропитанными горю-

чим составом. Парни поджигают шарики и фаер-шоу начинается. Девушка вращает горящими шариками, потом один из парней подаёт ей факел. Девушка выдувает горячее вещество сквозь пламя факела. На секунду в воздухе образуется большой огненный шар и гаснет. Артисты кланяются. Фаер-шоу окончено.

В подвале совсем нечем дышать. Смотрю на часы. Ульяна Сергеевна замечает моё движение, встаёт, опираясь на плечо мужа, и объявляет:

– Пора отдыхать, друзья. Уже поздно, а завтра нам предстоит насыщенный день.

– Я встану! Что вы такое говорите, Ульяна Сергеевна? – выражает своё несогласие сильно захмелевший Валера. – Время же детское, братцы! Я требую продолжение банкета!

– Не вставай, Валера! – кричит Чаркин. – Я присоединяюсь к предыдущему оратору! Настоящий писатель должен быть всегда слегка выбрит и до синевы пьян!

Похоже, что чешское пиво сплавило воедино непьющего поэта с пьющим сказочником. К их дуэту присоединяется ещё пара-тройка мастеров российской словесности.

– Тогда давайте продолжим ужин у нас на Врановской, – предлагает компромисс Ульяна Сергеевна. – Кто «за», поднимите руки.

Это предложение принимается большинством голосов. Дружно встаём, одеваемся и, поддерживая друг друга, выбираемся из подвала. Мне помогает Алёна – тянет мощной ладью во мрак ночи. У выхода рассчитываемся за удовольствия. Огненное шоу – отдельно. Цены на удовольствия божеские, никто из наших не ропщет. На улице чуть светлее, чем в подвале, дождя нет, светят звёзды, блестят мокрые камни мостовой. Я с наслаждением вдыхаю влажный воздух. Сейчас он особенно сладок и приятен. Почти как «дым отечества».

– Мы с Аркадием Валентиновичем едем домой на машине, – говорит Ульяна Сергеевна. – Можем взять с собой трёх человек. Кто с нами, друзья?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.